



Александр Восьмой

**УЖАСЫ. Не зовите по
именам (Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой УЖАСЫ. Не зовите по именам (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74135563>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город опустел за одну ночь: улицы пусты, витрины разбиты, а в воздухе висит странный металлический привкус. Группа выживших пытается найти выход, но город будто дышит и меняет маршруты, оставляя на стенах кровавые надписи, которые появляются раньше, чем их успевают прочесть.

Александр Восьмой

УЖАСЫ. Не зовите по именам (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Последний рассвет над мёртвым проспектом»

Рассвет не принёс облегчения. Он лёг на город тяжёлой серой вуалью, будто сам свет боялся касаться этих улиц. Солнце не золотило фасады — оно лишь подчёркивало трещины в асфальте, осколки витрин и пустые глазницы окон. Город стоял, как труп, который ещё не успел остыть.

Мира открыла глаза первой. Она лежала на холодном бетоне в подъезде, прижавшись спиной к облупившейся стене. Рядом, вповалку, спали остальные: Кирилл с зажатым в руке ножом, Лена, свернувшаяся клубочком, и старый Виктор, чьи пальцы всё ещё сжимали рацию, которая молчала уже вторые сутки. Мира осторожно села, прислушиваясь к тишине. Не той тишине, что бывает в пустых домах, а к той, что давит на уши, словно вакуум. И в этом вакууме чувствовалось движение — не ветер, не шаги, а что-то глубже, будто сама земля под городом делала медленный вдох.

Металлический привкус на языке был таким густым, что хотелось выплюнуть воздух. Мира встала, подошла к разбитой витрине и провела пальцем по стеклу. Осколки звякну-

ли, звук прозвучал неестественно громко, будто город специально усилил его, чтобы напомнить: «Я слышу».

— Не надо шуметь, — прошептал Виктор, не открывая глаз. Он всегда чувствовал опасность раньше других.

Кирилл сел, протирая лицо ладонью, и тут же замер, уставившись на стену напротив. Там, на облупившейся штукатурке, прямо на их глазах проступали буквы. Они не были написаны краской — они будто выдавливались изнутри, как капли крови сквозь кожу.

«НЕ ИДИТЕ ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДЬ».

Лена вскрикнула, но звук оборвался у неё в горле, как будто город проглотил его.

— Это... невозможно, — пробормотал Кирилл, подходя ближе и касаясь надписи. Пальцы остались чистыми, но на коже остался странный холодок, будто он тронул лёд, смешанный с пеплом.

Виктор поднялся, тяжело опираясь на стену. Его взгляд был острым, цепким, как у человека, который видел слишком много, чтобы верить в совпадения.

— Город играет с нами. Он знает, куда мы хотим пойти, ещё до того, как мы сами это решаем.

Они вышли на улицу. Проспект лежал перед ними, как мёртвая река: машины застыли посреди дороги, будто их выключили на середине движения, двери распахнуты, сиденья пусты. Асфальт местами вздулся, словно под ним что-то шевелилось.

— Куда теперь? — голос Лены дрожал, но она старалась держаться.

— На север, — сказал Виктор. — Там промзона. Там меньше зданий, меньше... глаз.

Они двинулись вдоль домов, прижимаясь к стенам, стараясь не смотреть на окна, потому что казалось, будто из них кто-то смотрит в ответ. На углу, где раньше был киоск с газетами, Мира заметила ещё одну надпись. Она была свежей, будто её только что вывели дрожащей рукой, хотя вокруг не было ни души:

«ОНИ СЛУШАЮТ, КОГДА ВЫ ГОВОРИТЕ».

Мира остановилась, чувствуя, как по спине ползёт ледяной муравей. Она обернулась, вглядываясь в тени между домами. Тени были гуще, чем положено быть теням на рассвете. Они не падали от солнца — они жили сами по себе.

— Тихо, — прошептал Виктор. — Совсем тихо.

Но тишина длилась недолго. Где-то впереди, за поворотом, раздался скрежет — будто кто-то провёл когтем по металлу. Звук прокатился по улице, отражаясь от пустых окон, и стих. Но в этом стихании было обещание: он вернётся.

Кирилл сжал рукоять ножа так, что побелели костяшки. Лена вцепилась в рукав Миры, её пальцы были ледяными. Виктор сделал шаг вперёд, не оглядываясь, зная, что если они остановятся хоть на минуту, город найдёт способ заставить их остаться навсегда.

Переулок, который они выбрали, должен был вывести их

к промзоне. Но когда они свернули, Мира поняла, что что-то не так. Улица, которую они только что прошли, исчезла. Вместо неё теперь была глухая стена, покрытая старой рекламой, которой вчера здесь не было. А переулок, который должен был быть прямым, теперь уходил вбок, образуя угол, которого раньше не существовало.

Город менял маршруты. Он не просто прятал выход — он строил лабиринт, в котором каждая ошибка стоила слишком дорого.

На стене нового переулка проступила ещё одна надпись, свежая, ярко-алая, будто написанная только что:

«ВЫ УЖЕ ЗДЕСЬ».

Мира почувствовала, как земля под ногами едва заметно дрогнула. Не землетрясение — что-то другое. Будто город сделал ещё один медленный, тяжёлый вдох. И выдохнул страх.

— Бежим, — тихо, но твёрдо сказал Виктор.

И они побежали. Не потому, что знали, куда бегут, а потому, что оставаться было страшнее. Тени тянулись к ним, как живые щупальца, а надписи на стенах шептали вслед, складываясь в слова, которые никто не произносил вслух.

Проспект остался позади. Впереди была неизвестность. Но главное — они всё ещё были живы. И пока они бежали, город не мог сказать, что победил.

Глава 2. «Перекрёсток, который не помнит дороги»

Они бежали, пока хватало дыхания, а когда лёгкие начали гореть, перешли на быстрый шаг, вжимаясь в стены, будто те могли укрыть от взгляда города. Асфальт под ногами стал липким, как будто впитал в себя что-то густое и тёмное. Металлический привкус во рту усилился — он уже не просто чувствовался, он оседал на языке, заставляя горло сжиматься.

Перекрёсток возник перед ними внезапно, словно из ниоткуда: четыре улицы сходились в одной точке, но ни одна из них не выглядела знакомой. Дома по углам будто сдвинулись, наклонившись друг к другу, как заговорщики, скрывающие тайну. Даже воздух здесь был другим — тяжёлым, плотным, будто его можно было резать ножом.

— Этого перекрёстка не было на карте, — прошептала Лена, глядя на трещины в асфальте, которые складывались в странный узор — словно вены, вздувшиеся от напряжения.

Виктор остановился, подняв руку. Его лицо стало каменным, привычным выражением человека, который знает: сейчас нельзя ошибаться.

— Здесь что-то не так. Город стирает маршруты. Он не хочет, чтобы мы уходили.

Кирилл сжал рукоять ножа, оглядываясь по сторонам. Те ни между домами были густыми, почти осязаемыми, и в них чудились движения — не резкие, а медленные, тягучие, как будто кто-то огромный поворачивался во сне.

Мира сделала шаг к центру перекрёстка и замерла. Прямо

перед ней, на асфальте, проступали буквы. Они не были написаны — они будто выталкивались из самой земли, выдавливаясь каплями тёмно-красной влаги.

«НЕ ЗОВИТЕ ПО ИМЕНАМ».

Фраза ударила по нервам, как удар хлыста. Мира отшатнулась, чувствуя, как холод ползёт по спине.

— Откуда он знает? — голос Лены дрожал.

— Он всё знает, — тихо сказал Виктор. — Он слушает. Он дышит.

Из-за угла, из полутени, донёсся слабый стон. Не крик, не вопль, а тихий, надломленный звук, в котором было столько боли, что все замерли.

Они двинулись туда осторожно, держась вместе, готовые в любой момент сорваться в бег или ударить. В нише между двумя зданиями лежал человек. Он был одет в потрёпанный плащ, лицо покрыто грязью и кровью, а глаза — мутные, будто уже наполовину ушедшие из этого мира.

Он приподнялся на локте, увидев их, и прохрипел:

— Вы... ещё живы.

Кирилл шагнул вперёд, но Виктор удержал его за руку.

— Осторожно. Это может быть ловушка.

Но человек не пытался напасть. Он лишь смотрел на них с такой отчаянной надеждой, что становилось больно.

— Город... он живой, — прошептал он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Он дышит... и питается страхом. Каждый раз, когда вы боитесь, он становится сильнее. Он

меняет улицы... прячет выходы... пишет на стенах то, что вы ещё не успели подумать.

Мира присела рядом, стараясь не касаться его, но чувствуя, как от него веет холодом, который был не от погоды, а от чего-то гораздо более глубокого.

— Кто ты? — тихо спросила она.

Человек слабо улыбнулся, и эта улыбка была полна горечи.

— Я был... как вы. Хотел выбраться. Но город не отпускает тех, кто боится.

Его рука дрогнула, и он потянулся к асфальту, оставляя на нём кровавый след. Пальцы двигались медленно, с усилием, выводя буквы, которые тут же начинали светиться тусклым, зловещим светом.

«НЕ ЗОВИТЕ ПО ИМЕНАМ. ОН ЗАПОМИНАЕТ ГОЛОСА».

Когда фраза была закончена, человек обмяк. Его глаза остекленели, и в этот момент перекрёсток будто вздохнул — лёгкий, едва уловимый гул прошёл по земле, как дрожь по натянутой струне.

Лена всхлипнула, но тут же зажала рот рукой, будто боялась, что звук может разбудить что-то ещё.

Кирилл встал, оглядываясь, и его голос прозвучал резко, почти агрессивно:

— Мы не можем просто стоять здесь. Надо идти. Сейчас же.

— Куда? — Виктор смотрел на улицы, которые теперь казались одинаковыми, лишёнными признаков, по которым можно было бы ориентироваться. Дома смотрели на них пустыми окнами, будто смеялись.

— На север, — настаивал Кирилл. — Там промзона. Там меньше зданий. Меньше глаз.

— А если там ничего нет? — возразила Лена, её голос дрожал, но в нём слышалась твёрдость. — Если город просто ведёт нас туда, куда хочет?

— Тогда мы будем драться, — отрезал Кирилл.

Мира покачала головой.

— Драться с городом? С улицами? С тенями? Это не враг, которого можно ударить ножом.

Напряжение сгустилось, как грозовые тучи перед бурей. Группа раскололась: Кирилл и ещё двое были готовы бежать, не думая, лишь бы двигаться; Виктор, Мира и Лена хотели остановиться, подумать, найти другой путь.

В этот момент асфальт под их ногами дрогнул. Не сильно — так, будто где-то глубоко под землёй что-то повернулось. И улицы... изменились. Та, что вела на север, теперь уходила вбок, образуя острый угол, которого не было минуту назад. Та, что казалась самой прямой, теперь обрывалась тупиком, а на стене тупика проступали новые буквы:

«ВЫ УЖЕ ЗДЕСЬ».

— Он играет с нами, — прошептал Виктор, и в его голосе не было страха — только горькое понимание. — Он не про-

сто меняет маршруты. Он заставляет нас выбирать то, что ему нужно.

Кирилл выругался, сжимая кулаки.

— Значит, мы не будем выбирать. Мы пойдём туда, где меньше стен. Где больше неба.

— А если небо тоже принадлежит ему? — тихо спросила Мира.

Никто не ответил. Потому что все знали: возможно, принадлежит.

Город снова вздохнул. И этот вздох прозвучал как предупреждение.

Они двинулись вперёд, не зная, какой путь правильный, но понимая, что остановиться — значит проиграть. Тени тянулись к ним, как живые щупальца, а надписи на стенах шептали вслед, складываясь в слова, которые никто не произносил вслух.

И где-то впереди, за поворотом, который ещё не существовал, уже ждала новая ловушка. Город готовился к следующему ходу. И он знал, что они придут.

Глава 3. «Тени в зеркальных витринах»

Торговый центр нависал над улицей, как гигантский окаменевший зверь: стеклянные фасады потемнели, будто впитали в себя всю тьму города, а витрины, некогда сверкавшие рекламой, теперь напоминали пустые глазницы. Входная группа зияла провалами — двери сорваны с петель,

осколки стекла хрустели под ботинками, и этот хруст звучал неестественно громко, словно город специально усиливал каждый звук, чтобы напомнить: он всё слышит.

— Здесь можно укрыться, — тихо сказал Виктор, вглядываясь в полумрак вестибюля. — Хотя ненадолго.

Кирилл сжал рукоять ножа, его взгляд метался между стенами, будто он ждал, что из них вот-вот вырвется нечто осязаемое.

— Укрыться? В этом склепе?

— Лучше, чем на улице, — отрезал Виктор. — Там он меняет маршруты. Здесь стены хотя бы стоят на месте.

Мира шагнула внутрь первой. Холод ударил по коже, как ледяная волна, и металлический привкус во рту стал почти невыносимым. Она провела ладонью по колонне, и пальцы тут же покрылись липкой пылью, от которой хотелось немедленно стряхнуть руку.

А потом она увидела зеркало.

Оно висело над разбитой стойкой информации — огромное, в тяжёлой раме, и отражало не то, что было перед ним. В нём не было вестибюля с разбитыми витринами и осыпавшейся плиткой. В нём был другой торговый центр — живой, яркий, полный людей. По эскалатору спускалась женщина в красном пальто, а рядом с ней шла девочка, смеясь и подпрыгивая на каждой ступеньке. И девочка была... Мира.

Она отшатнулась, сердце забилося где-то в горле.

— Что с тобой? — Лена подошла ближе, положила руку

ей на плечо, и в тот же миг отражение дрогнуло, как рябь на воде. Женщина в красном исчезла, а на её месте появился силуэт — высокий, угловатый, с непропорционально длинными конечностями. Он стоял в глубине зала, глядя прямо на Миру, и его глаза были пустыми, как чёрные дыры.

— Не смотри долго, — хрипло прошептал Виктор, схватив Миру за руку и оттаскивая от зеркала. — Они показывают не прошлое. И не настоящее. Они показывают... то, что хочет показать город.

Они двинулись дальше, мимо рядов магазинов с выбитыми дверями. Везде были зеркала: на стенах, в витринах, на потолке. И в каждом — своя иллюзия. В одном Кирилл увидел себя, стоящего на краю крыши, с лицом, искажённым криком. В другом Лена увидела пустую квартиру, где на полу лежали фотографии, рассыпанные, как опавшие листья, и на каждой — её лицо, но с пустыми глазами.

Виктор шёл впереди, держась ближе к стенам, избегая отражений, будто знал, что они могут украсть не только взгляд, но и часть души.

— Сюда, — он кивнул на приоткрытую дверь подсобки, едва заметную за стеллажом с рулонами упаковочной бумаги.

Внутри было темно и пахло сыростью и ржавчиной. Кирилл щёлкнул зажигалкой, и на мгновение вспыхнул крошечный круг света, выхватив из тьмы полки с коробками, старый стул и стол, заваленный бумагами. На стене висела

выцветшая табличка: «Только для персонала».

Лена присела на стул, обхватив себя руками, её зубы слегка стучали.

— Я больше не могу, — прошептала она. — Эти зеркала... они будто знают, чего я боюсь.

Мира села рядом, хотела положить руку ей на плечо, но замерла. В темноте ей показалось, что её собственная тень шевельнулась отдельно от неё — медленно, тягуче, словно пробуя воздух на вкус.

На столе лежал потрёпанный блокнот в кожаной обложке. Виктор взял его, открыл, и страницы зашелестели, как сухие кости.

— Дневник охранника, — пробормотал он, вчитываясь в неровные строки, выведенные шариковой ручкой.

«3 дня назад всё началось с тумана. Он пришёл с реки, густой, как молоко, и оседал на улицах, будто хотел их проглотить. Люди исчезали по одному: сначала те, кто шёл поздно, потом те, кто просто выглядывал в окно. Потом пропали маршруты. Я шёл знакомой дорогой и вдруг оказался у здания, которого раньше не было. А потом появились надписи. Они пишут сами по себе. И они знают, что ты думаешь, ещё до того, как ты это скажешь. Сегодня я понял: город не просто меняется. Он дышит. И он питается страхом. Если он узнает твои мысли, он узнает и тебя. Поэтому я перестал думать. Я просто жду».

Последняя запись обрывалась на полуслове.

Кирилл резко обернулся, будто услышал что-то за спиной. Его лицо было бледным, а глаза — расширенными.

— Вы слышали?

— Что? — Виктор поднял голову от дневника.

— Мой голос. Как будто я что-то сказал... но я молчал.

И тут Мира услышала.

Из темноты, из угла, где тени сливались в непроглядную массу, донёсся шёпот. Тихий, едва уловимый, но безошибочно знакомый. Это был голос Кирилла. Но слова были другими.

— «Мы не выберемся. Он не отпустит. Он уже знает наши имена».

Кирилл побледнел ещё сильнее, будто из него выкачали кровь.

— Это... это не я.

— Он показывает будущее, — тихо сказала Мира, чувствуя, как холод ползёт по спине, превращая каждую мысль в ледяной осколок. — Или то, что станет будущим, если мы будем бояться.

Виктор захлопнул дневник, сунул его в карман.

— Нам нужно уходить. Сейчас. Пока он не успел... закрепиться в наших головах.

Но когда они вышли обратно в зал, всё изменилось.

Зеркала теперь не показывали ни прошлого, ни будущего. Они показывали настоящее — но искажённое. В каждом отражении группа выглядела чуть иначе: у кого-то не хватало

руки, у кого-то глаза были закрыты чёрной тканью, а у Миры в одном из зеркал на шее виднелась тонкая красная линия, будто след от петли.

И в центре зала, там, где раньше был фонтан, теперь стояла фигура. Высокая, угловатая, с длинными, неестественно изогнутыми конечностями. Она не двигалась, но от неё веяло таким холодом, что воздух вокруг казался густым, как желе.

— Бежим, — выдохнул Виктор, и в его голосе не было ни паники, ни истерики — только холодная, стальная решимость.

Они рванулись к выходу, но путь перекрывали тени. Они не были просто отсутствием света — они были плотными, осязаемыми, и тянулись к ним, как щупальца. Кирилл замахал ножом, и лезвие рассекло тьму, но не оставило следа — тень лишь усмехнулась невидимыми губами.

В вестибюле, у самой двери, Мира обернулась. Фигура стояла неподвижно, но её голова медленно повернулась, следя за ними. А на стене, прямо над выходом, проступали новые буквы, выдавливаясь из штукатурки, как капли крови:

«ВЫ УЖЕ ЗДЕСЬ».

Они выскочили на улицу, и холодный воздух ударил по лёгким, как спасительный глоток. Но даже здесь, под серым небом, тени тянулись за ними, а в ушах ещё долго звенел шёпот голоса, который знал их будущее.

Город не просто наблюдал. Он учился. И теперь он знал

их имена.

Глава 4. «Кровь на асфальте: язык, который нельзя забыть»

Они укрылись в полуразрушенном павильоне автобусной остановки — хлипкая крыша едва защищала от сырости, но здесь, хоть и ненадолго, можно было перевести дух. Воздух по-прежнему отдавал металлом, будто город пропитывал каждую молекулу своим ядом. Лена дрожала, прижимая колени к груди, а Кирилл сжимал и разжимал кулаки, будто пытался выдавить из себя страх. Виктор достал дневник охранника, страницы которого уже истрепались по краям, и снова вчитался в неровные строки.

Мира присела рядом, всматриваясь в записи, словно в них прятался ключ ко всему происходящему.

— Смотри сюда, — Виктор ткнул пальцем в одну из страниц, где почерк становился всё более рваным, почти неразборчивым. — Он пишет, что надписи не просто появляются. Они работают как механизм. Предсказывают, что ты сделаешь, и подталкивают к ошибке.

— Как это возможно? — прошептала Лена, не поднимая глаз.

Виктор перевернул страницу.

— Он пишет: «Они знают, что ты думаешь, ещё до того, как ты это скажешь». Получается, город считывает наши намерения и тут же отвечает. Это не просто послания. Это ло-

вушка.

Кирилл резко поднял голову, его взгляд стал острым, почти хищным.

— Значит, надо перестать думать. Или хотя бы не показывать, что мы планируем.

— Нельзя перестать думать, — тихо возразила Мира. — Но можно не давать ему готовых решений. Не выбирать очевидное.

Виктор кивнул, его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах читалось напряжение.

— Именно. Если он ждёт, что мы пойдём на север, мы пойдём туда, где меньше улиц. Где больше открытого пространства.

Они выбрались наружу. Улица встретила их тишиной, которая теперь казалась не отсутствием звуков, а чем-то живым — плотной, густой тишиной, в которой каждое движение отзывалось эхом, многократно усиленным. Асфальт под ногами был испещрён трещинами, и в этих трещинах проступали буквы — не крупные, как раньше, а мелкие, едва заметные, будто написанные кровью, впитавшейся в камень.

«ТЫ УЖЕ ВЫБРАЛ».

Мира остановилась, чувствуя, как по спине ползёт ледяной муравей.

— Это... про нас?

Виктор прищурился, всматриваясь в надпись.

— Нет. Это про то, что мы собирались сделать. Он уже

знал, куда мы хотим пойти, ещё до того, как мы сами это поняли.

Кирилл выругался сквозь зубы.

— Тогда меняем план. Прямо сейчас. Ни слова. Просто идём туда, где нет стен.

Они свернули в переулок, который казался чуть шире остальных, где между домами оставалось хоть немного неба. Но чем дальше они шли, тем сильнее менялось ощущение пространства. Тени стали гуще, будто впитывали свет, а воздух — тяжелее, словно его налили свинцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.